ЛІРА

Для читателей Союзного государства Беларуси и России

Из первых уст

«Надо не делить, а объединять память нашу. Весь вопрос в этом. И не надо считать, что мы одни победили: или россияне, или белорусы, или украинцы, или кто-то еще. Не победили бы, если бы не было единства. В окопах сидели вместе»

Александр СУРИКОВ,
Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Беларусь

Помним...

Брестская крепость — место, где время остановилось. Каждый день у входных ворот в мемориальный комплекс раздаются звуки бомбежки и голос Юрия Левитана сообщает о вероломном нападении фашистской Германии на СССР.

Фото Антония Дробеца

День памяти и скорби — черная дата, перевернувшая жизни сотен миллионов людей. Нет ни одной семьи, которой бы не коснулась трагедия, нет ни одного человека, который бы не испытывал боль за свой народ. Героизм, проявленный в этой страшной войне, останется в памяти навсегда. Каждый год в преддверии 22 июня в Беларуси проводится множество мероприятий, напоминающих о событиях, изменивших историю всего человечества.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Национальном историческом музее традиционно открывается выставка плакатов времен Великой Отечественной войны, которая демонстрирует боевой дух советского народа. В наши дни эти плакаты волнуют до глубины души, так как именно они мотивировали каждого солдата не сдаваться, идти только вперед. В музее также откроется выставка «Музыка войны» к 100-летию народного артиста Беларуси Бориса Пенчука, одного из дирижеров военного оркестра во время парада 9 мая 1945 года на Красной площади в Москве. А в рамках Международного симпозиума «Человечность в годы бесчеловечности» к 75-летию Хатынской трагедии пройдет просмотр восстановленного фильма «Иди и смотри». После всех мероприятий, уже в преддверии Дня освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, Национальный исторический музей презентует художественную выставку членов Белорусского союза художников «Если расцветает сирень».

ВИТЕБСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В краеведческом музее Витебска проходит выставка «Лагерь смерти Тростенец. История и память», в создании которой участвовали историки из Германии, Австрии, Чехии и Беларуси.

Экспозиция передвижная. Ее уже показали во многих странах Европы. Готовили выставку в течение нескольких лет, начиная с августа 2014 года. Большую работу провели фонд «Памятник убитым евреям Европы» из Берлина и Историческая мастерская им. Леонида Левина из Минска: сотрудники ездили к родственникам заключенных Тростенца в поисках фотографий, рассказов об узниках, записей интервью, воспоминаний. Изучались архивы нескольких стран, чтобы собрать по возможности полную и уникальную информацию о лагере и героях выставки.

Создатели экспозиции отошли от абстрактных жертв лагеря и сконцентрировали внимание на личностях. Вся выставка состоит из вертикальных, окрашенных в черный цвет ниш. Снаружи к каждой из них прикреплена большая фотография. Внутри некоторых ниш есть планшеты, где можно ознакомиться с информацией о лагере, послушать интервью тех, кто пережил Тростенец, а также посмотреть фото.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ко Дню памяти и скорби в Национальном художественном музее открыли выставку произведений Василия Шаранговича, основу которой составляет серия графических работ «Памяти огненных деревень». Эта серия — посвящение мужеству и стойкости народа в годы Великой Отечественной войны. Название возникло у автора под впечатлением книги Алеся Адамовича, Янки Брыля и Ивана Колесника «Я з вогненнай вескі…», в которой собраны свидетельства людей, случайно спасшихся во время уничтожения фашистами жителей белорусских деревень.

Графические листы серии пронизаны любовью к Родине, к людям. Композиционное воплощение, техника и цвета произведений — своеобразный сплав, из которого Василий Шарангович реалистично и подробно создал свой мемориал памяти, раскрывая преступления гитлеровских оккупантов и их пособников против мирного населения. Красный и черный — два основных цвета произведений. Красный — цвет огня и крови, черный — пепла и пожарищ.

Виктория АСКЕРО

Правда жизни и художественный вымысел… Кажется, эти понятия противоречат другу другу. Однако без литературной правды сюжеты, на каких бы достоверных фактах они ни были основаны, не станут произведением искусства. Именно поэтому писатели — не просто талантливые фантазеры, остро переживающие всю боль земную. В полной мере это относится к писателям-фронтовикам, участникам Великой Отечественной войны. Им нужно было не просто выжить, а еще и успеть рассказать.

Бойся не врага, а ближнего своего

Пятнадцать лет, как с нами нет Василя Быкова.

Его не стало 22 июня 2003 года.

В искусстве он не любил ничего условного. Поэтому, когда по его произведениям делали драматические спектакли или, еще хуже, балет, то на премьерах чувствовал себя неуютно.

Однажды к нему в квартиру пришла женщина-журналистка и подарила розы. Быков был так смущен подарком, что полчаса метался по квартире, не зная, куда деть эти цветы.

Был равнодушен к музыке и мог с одинаковым упоением слушать и Брамса, и Ханка.

В изобразительном искусстве совершенно легко ставил знак равенства между великим графиком Арленом Кашкуревичем и живописцем Михаилом Савицким, про которых писал статьи с одинаковым пиететом. Когда перечитываешь его вступительные слова, послесловия, очерки и рецензии к чужим сборникам, поражаешься, с каким одинаковым тактом, уважением он писал и о по-настоящему великих людях, и о графоманах, которым стыдно и руку подать. В отличие от своего друга и коллеги Алексея Карпюка, старался избегать в жизни острых конфликтов, по возможности не рубить с плеча (что, естественно, не всегда удавалось). Его произведения, несмотря на то, что подвергались цензурным правкам, а иногда (как, например, повесть «Мертвым не больно») и острой критике, одинаково любили и диссиденты, и партийные работники.

Лейтенант В. Быков. Румыния. 1944 г.

Василь Быков был и остается одним из самых популярных белорусских писателей за рубежом. А в России, к примеру, его настолько любят, что даже издают в качестве классика именно российской литературы.

Откуда эта всеобщая любовь? Он был одним из тех, кто в спасительное время оттепели смог наряду с Астафьевым сказать живое слово о Второй мировой войне. В своих произведениях старательно избегал пафоса, всяческой декоративности, лжи. Его резкая, пружинистая, полная боли, пота, крови проза воспринималась одновременно не только как правдивый факт, но и захватывала не меньше остросюжетных вестернов Серджио Корбуччи (недаром Быков был одним из самых экранизируемых писателей Беларуси).

Мало кто в нашей стране мог писать именно так.

Фронтовик Иван Шамякин замечательно превращал пережитое в занимательный боевик с мелодраматическим оттенком.

Алексей Пысин создал восхитительные и озорные в своей сюрреалистической иронии поэмы «Ковылек» и «Козерог».

Иван Чигринов искусно ушел в дебри подсознания и сна, когда написал удивительный роман-сон «Плач перепелки».

Василю Быкову было одинаково чуждо каждое из этих направлений.

Он был одним из немногих, кто, заново переживая всю боль, страх, стыд и ужас, старался в каждом своем произведении трезво смотреть в лицо войне. Здесь он был максимально честен. Его внешне простая и понятная мысль о том, что в любой мясорубке в живых остаются подонки, а настоящие герои гибнут, при внимательном прочтении произведений раскрывает перед нами страшную правду: свои на войне иногда страшнее врага!

Палачом Сотникова, как мы знаем, является его товарищ Рыбак, настоящим исчадием ада для героев повести «Мертвым не больно» стали не десятки немецких танков, которые душили забытых советских раненых, а особист Сахно, готовый каждого расстрелять как паникера.

Один из самых драматических образов у Василя Быкова — это Мать в рассказе «Родня». Ее детей (они хотели уйти в партизаны) расстрелял свояк-полицай (в то время как Мать хотела, чтобы он просто попугал несмышленышей).

Бойся не врага, а ближнего своего. Даже самый родной для тебя человек может стать твоим же убийцей — эта грустная мысль с еще большим фатализмом, чем в произведениях Камю, звучит в каждой строчке Василя Быкова.

И это по сей день было и остается для многих настоящим открытием.

Василий ЧЕРЕПАХОВ

«НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ» МИХАСЯ ЛЫНЬКОВА:

творческие радости и грех книгокрадства

Произведения, которые были созданы в середине XX столетия и практически сразу же получили одобрительные отзывы читателей и критиков, не всегда так же оцениваются по прошествии нескольких десятилетий. Особенно если речь идет о художественном осмыслении Великой Отечественной войны. В определенном смысле это касается и романа-эпопеи в 4 частях Михася Лынькова «Незабываемые дни» («Векапомныя дні»). Роман вышел в 1958 году, но даже спустя 16 лет, в 1974-м, его переиздание «буквально расхватывали из киосков и магазинов». В частности, писатель Василий Бурносов (в то время — старший редактор издательства «Мастацкая літаратура») в письме от 2 августа 1974 года спрашивал Михася Тихоновича: «Нужно ли принять какие-либо меры, чтобы для Вас добыть определенное количество экземпляров?» (БГАМЛИ, фонд 191, оп. 1, дело 315. Л. 1). Авторских (как следует из этого же письма) полагалось всего два экземпляра, и, таким образом, писатель рисковал остаться без возможности подарить близким и поставить на книжную полку новое издание своего романа.

Писатели-ветераны: И. Шамякин, К. Крапива, М. Танк, П. Панченко, М. Лыньков. 1969 г.

Фото из фондов БГАМЛИ.

Если художественное значение этого произведения М. Лынькова переоценивается современными исследователями, то история перевода «Незабываемых дней» на русский язык по-прежнему вызывает интерес. Про довольно непростую историю выхода в свет эпопеи в московских издательствах в переводах Евгения Мозолькова и Валерия Тарсиса уже писали в нашей газете (№№ 18 и 25 за 2017 г.). Однако это произведение переводил на русский язык и белорусский прозаик, театральный критик Борис Бурьян. Для него, уроженца Москвы, русский язык был родным, а хороший перевод, как известно, требует не просто знания языка, но тонкого чувства всех смысловых оттенков.

До войны Б. Бурьян работал в театрах Рязани и Кинешмы. В 1941 г. закончил театральную студию при Рязанском театре, а уже с августа того же года служил в рядах Красной Армии, в войсках связи. Участвовал в боях на 4-м Украинском фронте. В Беларусь Б. Бурьян переехал после окончания войны: с 1946 г. — корреспондент БелТА, в 1947—1951 гг. — стильредактор газеты «Сталинская молодежь». Позже была работа редактора на Белорусском телевидении, Минской киностудии научно-популярных и хроникально-документальных фильмов. Был сотрудником литературных изданий: заведующим отделом театра, музыки и кино газеты «Літаратура і мастацтва», журнала «Советская Отчизна» (сейчас — «Нёман»).

В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства хранится письмо Б. Бурьяна, адресованное М. Лынькову, в котором мы найдем не только сведения о подготовке к печати переводов произведений М. Лынькова на русский язык в Минске, но и получим определенное представление о характере писательских контактов — на уровне профессионально-литературном и эмоционально-человеческом. В приведенном ниже письме Б. Бурьян признается даже в «грехе книгокрадства»:

«Дорогой Михаил Тихонович!

Обращаюсь к Вам и по зову души, и по делу вполне конкретному. Прошу извинить меня, что отнимаю у Вас время. Вот уже не один год некоторые мои, если можно так сказать, творческие радости связаны с Вашей прозой. То я получил огромнейшее удовольствие и какие-то особые уроки, когда переводил Ваши вещи на русский язык (и Вы одобрительно авторизировали эти переводы), то вот снова погружался в «Векапомныя дні», пиша послесловие к русскому изданию романа. И очень мне хочется быть владельцем (!) книг с Вашим автографом. Правда, я не знаю Вашего отношения к послесловию, но все равно, пусть и с осуждением, но напишите мне, пожалуйста, что-нибудь на книжках «Незабываемые дни» этого года издания. Второе — «Мастацкая літаратура» переиздает «Повесть о храбром вояке Мишке» на русском в моем переводе. Потребовалось два экз. предыдущего издания. Один нашли, второй (по секрету!) пришлось украсть в библиотеке. Так вот и вторая просьба, Михаил Тихонович, если у Вас есть «Миколка-паровоз» на русском в издании «Беларусь» 1965 г., хоть одна книжка, то и ее Вы бы удружили мне, а? Тогда я погашу свой грех книгокрадства. <…>

Приветы Вам и наилучшие пожелания

Борис Бурьян»

(БГАМЛИ, фонд 191, воп. 1, справа 315. Л. 3).

В другом письме, где речь шла о подготовке перевода на русский язык «Миколки-паровоза», Б. Бурьян очень точно определил особенности перевоплощения художественного стиля М. Лынькова: «Думаю, что эта вещь тем и трудна для переводчиков: уловишь интонацию авторской, близкой к сказу, «разговорной» речи, — близок к удаче; пройдешь мимо этой интонационной особенности — ремесленная поделка». (БГАМЛИ, фонд 191, воп. 1, справа 315. Л. 2).

«Удача» и «ремесленная поделка» — как точно это характеризует разные полюса результатов труда переводчиков. Актуально это и сегодня, когда переводов с разных славянских языков становится все больше, а талант уловить авторскую интонацию есть далеко не у каждого. В письмах Б. Бурьян всегда подчеркивал: удался перевод или нет, судить в первую очередь автору произведения. Но все же тот факт, что книгу из киосков и книжных магазинов «расхватывали», да так, что для самого М. Лынькова нужно было ее «добывать», говорит сам за себя.

Жанна КАПУСТА

Документы предоставлены Белорусским государственным архивом-музеем литературы и искусства

С УВАЖЕНИЕМ К ЧЕЛОВЕКУ

В чем заключается истинная мужественность? Ответить на этот вопрос мы попытались вместе с генерал-майором авиации Анатолием Сульяновым. В прошлом году члену Союза писателей Беларуси, заслуженному работнику культуры нашей страны исполнилось 90. Он автор книг «Расколотое небо», «Посеешь ветер», «Хождение за седьмое небо», «Только одна ночь», «Голубые снега», «На критических углах», «Война, которой могло не быть», «Взлет и трагедия Юрия Гагарина», «Маршал Жуков. Слава. Забвение. Бессмертие» и других.

— Анатолий Константинович, помните ли вы, когда стали мечтать о профессии летчика?

— Недалеко от села, где я родился и вырос, был аэродром. Там учились летному делу курсанты. А мы, мальчишки, бегали смотреть, как взлетают, маневрируют и садятся самолеты. Но на аэродром нас, конечно же, не пускали. Потом трое наших ребят постарше сами стали курсантами аэроклуба, и у нас, младших пацанов, появилась возможность попасть наконец на территорию аэродрома, забраться в кабину пилота и впервые ощутить романтику профессии.

На авиационном заводе в Москве работал инженером мой дядя. Иногда он с семьей приезжал к нам в гости и много рассказывал об авиации. Помню, как меня восхищала его форма с голубыми петлицами. Однажды он взял меня с собой на аэродром. Мы вышли на летное поле и двинулись к только что приземлившемуся самолету, из кабины которого вышли два пилота. Потом я узнал, что один из них — легендарный советский военный летчик Анатолий Серов. Поздоровавшись, дядя Коля представил этим небожителям и меня, прибавив, что племянник тоже мечтает стать летчиком. Серов снял свой шлем и нахлобучил его мне на голову, а потом взрослые все вместе ушли. Была заправка самолета. Я восхищенно наблюдал, как Серов несколько раз взлетал и садился. Удивлялся, что здесь все люди обращаются друг к другу просто на «ты» и по имени, не так как другие военные. Затем на меня опять обратили внимание — шлем пришлось вернуть, но взамен я получил подарок — настоящую пилотку, синюю с голубым кантом. Это и было самое первое и важное впечатление на всю жизнь.

— Были на войне?

— Я получил повестку военкомата явиться по адресу 1-й Московской спецшколы военно-воздушных сил и приступил к учебе. Но когда немцы подошли к Москве, школу эвакуировали в Омскую область. Мы продолжали учебу в Сибири и работали там — грузили в вагоны для 1-го Белорусского фронта шестиметровые бревна. Потом, когда мне довелось встретиться с маршалом Рокоссовским, я рассказывал ему, как мы старались в далекой Сибири хоть чем-то помочь его бойцам. И в любой момент были готовы отправиться на фронт. Отец ушел на войну в сентябре 1941-го, служил рядовым в пехоте, он погиб от ранений, а мне на фронте побывать не довелось. В 1944 году вместе с товарищами нас вернули в Москву, чтобы продолжить учебу. Я жил в казарме, а по воскресеньям меня отпускали домой в подмосковную деревню, потому что я должен был помогать матери.

В 1944 году познакомился с уникальным человеком — Алексеем Маресьевым. Он на войне потерял ноги, но продолжал летать и сбил еще 11 самолетов. Интересно, что по окончании учебы в военной академии я был определен замполитом в 641-й (63-й) гвардейский полк — тот самый, в котором служил Маресьев, прототип героя «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого. Но к тому моменту в полку сменилось много людей и о нем забыли. После того, как мы нашли в архиве информацию о Маресьеве и подняли его историю, полк был назван в его честь — «Маресьевский». Алексей Петрович приезжал к нам в качестве почетного гостя. Все были впечатлены этим человеком, а женщины восхищенно и удивленно говорили: «Он ходит так, как будто бы у него с ногами все в порядке». Из архива полка мы узнали о подвигах и других героев-летчиков. Нельзя о них забывать. Люди, которые занимаются патриотическим воспитанием молодых, должны возвращаться к этой теме. Это нужно современным мальчишкам.

— Мужчины вашего поколения, всегда сильные и выносливые, считали женщин исключительно слабым полом?

— Нет, наоборот. Видите, это книга «“Таманский” гвардейский авиационный полк» — в нем воевали одни женщины. Триста человек: летчики, техники, механики. В том числе несколько белорусок. О них я недавно читал лекцию для курсантов Военной академии.

— А когда вы начали летать?

— С 1946 года, и в общей сложности за 26 лет налетал более 2600 часов. После окончания училища нас направили в город Грозный в Высшую школу инструкторов, где мы не только летали, но и готовились учить курсантов. Летали на двухкабинных самолетах и изучали

А. Сульянов и В. Быков. Минск. Курган Славы. 1970-е гг.

множество новых для нас предметов. Особенно штудировали психологию и педагогику. Я имел возможность много читать, это пригодилось, когда стал писать сам. Было интересно освоить еще и педагогическую профессию. Потом я служил на Кубани — курсантом четыре года и летчиком восемь лет. Там встретил свою будущую жену Таисию Ивановну. Она учитель-филолог.

Благодаря изучению психологии, педагогики, чтению, мне было проще искать индивидуальный подход к летчикам, техникам, механикам, когда я прибыл заместителем командира по политчасти в авиационный полк, дислоцированный на Севере. Первые полтора года я не имел ни одного воскресного дня отдыха, несмотря на то, что рядом были жена и маленький сын, в выходные организовывал лыжные соревнования, занятия в спортзале и т. д. Труднейшая работа, но, невзирая на множество обязанностей, именно там я родился как летчик. Когда приехал в полк, имел опыт работы на Миг-17, а ребята уже летали на Миг-21.

— Вы долгое время работали в Москве. Именно тогда начали писать?

— Начал писать еще в училище. Отправлял коротенькие рассказы в «Красную Звезду», что-то даже опубликовали в журнале «Советский воин». Когда перевелся с Севера в Москву, был назначен инспектором сначала ВВС, а затем Министерства обороны, где проработал более пяти лет. Объездил с командировками всю страну. Не раз бывал на Чукотке, Камчатке, Курильских островах, Новой Земле, Земле Франца-Иосифа. Часто, пережидая непогоду, приходилось сидеть в гостинице по нескольку дней, именно тогда я начал пытаться передать на бумаге пережитый опыт.

— А о космонавтике не мечтали?

— Немного мечтал, даже рапорт о переводе написал, думал, разрешат. Но мне отказали: «Трудись инспектором». А с космонавтами я общался. Во время работы в академии в Москве, где, кстати, учились некоторые из будущих космонавтов, руководство дало мне указание взять интервью у Юрия Гагарина сразу после его первого полета. Но я не смог к нему прорваться. А интервью было нужно для выступления руководства на каком-то совещании, связанном с космосом, поэтому задание нужно было выполнить во что бы то ни стало. Через несколько дней я узнал, что в Центральном доме Советской Армии состоится встреча с Юрием Гагариным. Пропуск в зал я получил, а вот договориться о личной беседе было непросто. Приехал, хожу среди сотрудников, вижу знакомого подполковника. Прошу помочь с интервью — встретиться с Гагариным до того, как он придет в зал. Коллега помог, вернее, его знакомая официантка, которая спрятала меня на кухне, а потом провела в зал, где был накрыт стол для Гагарина. Я поставил себе второй стул. Заходит Юрий Гагарин. Я поднялся навстречу, представился и сообщаю, что мне приказано взять интервью. «Кем?» — спрашивает он. Отвечаю, что начальником академии. Он говорит: «Давай на “ты”. Слушай, я голодный как волк. Ты не против, если я буду есть, а ты будешь задавать вопросы?» Я спрашивал его о выходе в космос, особенностях полета, что делать космонавту, если не сработает катапульта? На что он ответил: приземляться вместе с ракетой. Спросил, не было ли у него таких сложностей? Он сказал, что зацепочка одна была, но в итоге все прошло успешно. Интервью состоялось, и я был очень рад, что выполнил задание.

— Когда появились ваши первые книги?

— По-настоящему много писать начал, когда освободился от должности инспектора, потому что во время работы на этом посту свободного времени не было. Я, конечно, продолжал военную службу, но в другом качестве. Первая моя книга, которая была издана, называется «Расколотое небо». Она о летчиках. Потом были выпущены и другие: «Посеешь ветер», «Хождение за седьмое небо», «Только одна ночь», «Голубые снега». Под впечатлением от знакомства с Константином Рокоссовским была написана документальная повесть «С маршалом Рокоссовским на рыбалке». Мы разговаривали долго, я услышал многое, о чем нигде не смог бы прочитать.

В 1976 году я с семьей переехал в Минск. Продолжал службу здесь, в Беларуси. В 1980 году Петр Миронович Машеров пригласил в Минск 70 человек командного состава из числа тех, кто освобождал Беларусь в 1944 году. В их числе были маршалы Василий Иванович Чуйков, Иван Христофорович Баграмян, Александр Иванович Покрышкин. Приказом командующего Белорусским военным округом мне поручили сопровождать гостей. Это были легендарные личности: у каждого по три-четыре ордена Боевого Красного Знамени, не говоря о десятках других орденов и медалей. Люди, заслужившие награды личным мужеством и храбростью. Каждый раз во время их выступления зал поднимался и аплодировал. А мне посчастливилось общаться с ними в неформальной обстановке. По впечатлениям от встреч с ними, по архивным документам мною написана книга «Непобедимые»…

— Вы были дружны с Василем Быковым. А как произошло ваше личное открытие этого человека и писателя?

— Когда служил на Севере, прочитал повесть Василя Быкова «Мертвым не больно». Автор открыл для меня правду рядового солдата о войне. Поразил его литературный язык. А когда я стал служить в Минске, сделал все, чтобы познакомиться с Быковым. Мы подружились, я учился, беседуя с ним. Он разговаривал со мной и о моих книгах, иногда давал дружеские советы по художественному стилю произведения. Я считаю его своим учителем, хоть он сам этого и не знал. Он был для меня маяком. Я от него уходил успокоенный, воодушевленный тем, что есть люди, которые мыслят так глубоко и смело. Где найти такого писателя, который воевал, который так глубоко исследовал войну в литературе? Конечно, есть другие имена, но я ведь высказываю свои взгляды. Его книги для меня — лучшее, что есть в белорусской литературе. Это человек уникальный. Ему пришлось нелегко, потому что были завистники, недруги. Он смелее, чем кто-либо из писателей, говорил о наших недостатках. А это, естественно, отпугивало и раздражало. Позже я написал книгу о нем.

— Есть ли какая-то важная идея, главная мысль, которая проходит красной нитью через все ваши произведения, слова, которые могут помочь юным, да и не очень молодым людям двигаться в правильном направлении в потоке современной действительности?

— Мне не надо было выдумывать образы героев моих рассказов и повестей, романов и очерков — я их срисовывал с живых людей, не прибегая к вымыслу и беллетризации. Мои наблюдения — продуманный и осмысленный итог пережитого и увиденного, честное отражение жизни. Хочу, чтобы читатели знали, как тяжело было нашему поколению, людям XX века, полководцам и летчикам, учителям и колхозникам, рабочим и ученым и мне, пишущему о них, об их переживаниях, страхе, об их радостях и не столь уж частом счастье. Мною руководит давний закон общества — уважение к Человеку, к человеку порядочному и честному. В своей жизни я встречал именно таких людей — порядочных и честных, а потому смог преодолеть множество огромных трудностей и препятствий.

В наше тревожное время, когда материальное начинает заслонять духовное, мне хочется закричать: «Люди, остановитесь!» Только духовность может спасти всех нас от надвигающейся катастрофы, идущей от жестокой эксплуатации земли, от стремления к сверхкомфортности, от бесконечных войн, больших и малых...

Ольга САВИЦКАЯ

Причастники духовного

Профессор, доктор филологических наук Александр Ужанков — специалист в области древнерусской литературы, исторической поэтики, автор теории стадиального развития русской литературы от ее истоков до Петровской эпохи, проректор по научной деятельности Московского государственного института культуры. Автор лекций на телевидении на канале «Культура». Во время одной из своих лекций в Минске он рассуждал об истоках древнерусской словесности, в частности о летописях, где есть отсылки к белорусской истории…

— Вы акцентируете внимание на особенных аспектах исследований русской литературы. До вас на них не обращали пристального внимания...

— Я медиевист, занимаюсь Древней Русью. Мой период — XI—XIII века. Изучаю словесность. Не называю это литературой. Потому как вымысла книжность тогда еще не знала. Древнерусская словесность анонимная, поскольку книжник (который называл себя писателем) полагал, что фиксирует истину, но не считал, что это его писание. Он записывал откровение свыше. Писатели, как правило, были монахами.

Исследователи не обращали внимания на то, что в основе древнерусской (да и восточнославянской) литератур — труды русских святых, святых православной церкви. Первый известный писатель — Иларион (он же первый митрополит, стал им при Ярославе Мудром) — канонизирован. Преподобный Нестор — автор «Повести временных лет» и автор жития первых русских святых Бориса и Глеба; Феодосий Печерский — автор слов и поучений; Кирилл Туровский — епископ, автор замечательных слов и поучений — все они канонизированы. Т. е. получилось так, что русская литература основана святыми. Та духовная планка, которая тогда была поднята очень высоко, по сути, сохраняется на протяжении девяти столетий. Эти традиции можно проследить даже в советское время… Был идеал — святость. В XIX веке идеала уже нет. Положительных героев почти нет. А в советское время появляются. Вот, например, Островский создает такого идеального героя, как Павка Корчагин. А ведь он использует принцип «жития». Типичный подход к созданию образа, какой был и в Древней Руси. Эти же древнерусские традиции прослеживаются в творчестве Валентина Распутина, Василия Белова.

— Интересно узнать, кто так ярко и с восхищением описал образ нашего легендарного полоцкого князя Всеслава Чародея в «Слове о полку Игореве»?

— Что касается «Слова о полку Игореве»... Я никогда не ставил перед собой задачу найти автора, но удалось существенно уточнить время написания произведения. Это не 1185 год, как предполагалось ранее, а 1200-й, с ноября по январь. И могу сказать, где написано. Определил это источниками, которыми пользовался автор. Место написания — Киевский Выдубицкий монастырь, основанный Всеволодом Ярославичем, отцом Владимира Мономаха, для монахов-греков, которые приехали вместе с невестой Всеволода Ярославича, будущей матерью Владимира Мономаха, византийской принцессой Анной. А чуть выше, на Киевских горах, была княжеская резиденция. В монастыре и велось летописание, здесь же был и княжеский архив. Автор «Слова» пользовался той киевской летописью, которая была завершена в 1199 году. Летопись находилась в Выдубицком монастыре. Кроме того, создатель «Слова» — автор не одного произведения. Понял это, когда начал сопоставлять труды игумена Моисея, который написал и летописную статью, вошедшую в Киевский летописный свод, и сам свод: как автор интерпретирует взаимоотношения черниговских князей Святославичей и киевских князей Всеволодовичей (симпатизировал и тем, и другим). Если вспомнить «Слово», там есть фраза: «Что мне звенит, что мне шумит, Игорь полки поворачивает…» То есть писатель как будто переживает вновь те события, в которых, скорее всего, принимал участие. Как мы знаем, после того похода в живых осталось 15 человек — я думаю, он был одним из них, давшим обет, что если останется жив, то уйдет в монастырь. И он уходит в Выдубицкий монастырь. Я нашел следы, что игумен Моисей пришел в Выдубицкий монастырь в 1187 году (т. е. спустя 2 года после похода). Став игуменом, он занимался литературной деятельностью. В таком маленьком монастыре двух гениев быть не может...

— Автор явно симпатизировал полоцким князьям… А Полоцк и Киев тогда враждовали.

— Враждовали сами князья. Но если человек монах (как предполагаемый автор «Слова»), то он выше княжеских отношений, у него другое понимание ценностей жизни. Ведь киевские и черниговские князья тоже враждовали с 1173 года, когда черниговский князь позвал половцев против киевского князя, и заканчивая 1197 годом, т. е. 120 лет. А в 1197 году переженились 2 пары киевских и черниговских князей и помирились. Игорь Святославич незадолго перед смертью тоже ушел в монастырь — постригся в монахи (почему он и «потерялся» — мы о нем ничего не знаем, но в Любечском синодике есть об этом сообщение). Для исследователя важно взглянуть на прошедшие события глазами человека того времени, учитывая его мировоззрение, менталь-

Фото Михаила Исаченко.

ность и кругозор, реставрировать сознание, а не судить о прошлом с нашей точки зрения.

— Существует мнение, что «Повесть временных лет» писалась Нестором по княжескому заказу...

— По заказу? Киево-Печерский монастырь, где была создана эта летопись, имел строгий устав. И когда Святослав Черниговский изгоняет из Киева своего брата Изяслава и садится на его престол, монахи не признают его как князя. На службах упоминают имя Изяслава. И когда Святослав приезжает в монастырь во внеурочный час (монахи могут спать днем), ему даже не открыли ворота. И как, в таком случае, князь может руководить написанием летописи, если его даже на территорию монастыря не пускают? Как-то Феодосий Печерский к Святославу Черниговскому приехал, а у князя — пир горой. Его пригласили за стол, игумен посмотрел на веселье и спрашивает: «Так ли весело вам будет на том свете?» Все! Испортил настроение — бубны, гусли смолкли. Так кто кем руководил?

— Каким вам представляется из его произведений первый наш святой, Кирилл Туровский?

— Во-первых, человек очень высоко для своего времени образованный. Он знал греческий язык, очень хорошо знал Священное Писание, святых отцов: Иоанна Златоуста, Иоанна Богослова, Григория Богослова, наизусть знал Псалтирь и Часослов. Его праздничный цикл «Слов» по своему изяществу превосходит даже византийские образцы. Тогда было религиозно-символическое мышление и через символы подавалась эпифаническая связь событий. Замечательное его «Слово на Антипасху», когда в природе и в человеке происходит преображение! Описание природы — одно из самых ранних в русской словесности! Как веет свежий ветер, как агнцы выходят на траву, на первые ростки — а ведь это человек, который выходит к Богу из язычества! Символика его очень глубока! У него сильнейшая гимнография, т. е. он — поэт! Чтобы добиться такого мастерства в гимнографии, в проповедях, нужно было иметь духовное совершенство. Т. е. в духовном плане это совершенный человек, духовный идеал. Крупнейший писатель XI—XII веков.

— Что можете сказать о Ефросинии Полоцкой?

— Это первый идеальный образ женщины в древнерусской культуре (не княгиня Ольга!).

— А сейчас есть ли литература?

— Настоящей, серьезной почти нет. Но на сайте «Проза.ру» зарегистрирован 1 миллион писателей, а на «Стихи.ру» — 2 миллиона стихотворцев. И они все ощущают себя писателями. Пушкин же определял себя как сочинитель, он был скромнее…

— На протяжении десяти веков менялось мировоззрение, а менялась ли душа человека?

— Нет. Менялись обстоятельства, в которых человек проявлялся. Но и сейчас есть место для подвига, для духовного делания. Зачем в Древней Руси уходили в монастырь? Именно для духовного делания. Чтобы уйти от мира — ради мира. Ведь молились о мире, который оставили. Уход от мира давал возможность сосредоточиться в своей мысленной работе над этим самым духовным деланием, ведь не должно было быть суеты, не должно было ничего отвлекать. Теперь, в отличие от того времени, каждый хочет писать комментарии, получать «лайки»… Разве это спокойная ситуация? Человек озабочен внешним в ущерб внутреннему, он в большей степени вовлечен в «суету сует и томление духа», поэтому у него упаднические настроение — ведь остановиться и осознать времени нет, все побежали, и я побежал… Что ж, вороны летают стаями, а орлы — в одиночку. А следовало бы понять: кому ты уподобляешься? Нужно иметь мужество и силу духа противостоять стае. За «никами», которыми кишит интернет, деформируется личность. Можно, конечно, играть по правилам маскарада, но тогда не претендуй на какую-то свою миссию. А русская литература всегда обращала внимание на миссию человека в этой жизни. Любое произведение XIX века показывает, как Божий промысел разворачивается в человеке. Если человек духовно развит, он это видит.

— Как вы пришли к такому пониманию?

— По мере моего воцерковления. На разных этапах у меня были разные учителя, которые дали очень много. Сначала привили любовь к древнерусской литературе. Потом появились духовные наставники. Когда я начал искать духовника, обратился к одному священнику, к другому, а они говорят: «Мы не можем…» Я спрашиваю: «Почему?» Ответ был: «Ищи». И вдруг мой приятель едет к старцу. Я прошу: «Замолви за меня словечко». Он возвращается и говорит: «Старец сказал, чтоб ты ему позвонил». А я не звоню день, два… Страшно! Приятель настоял, чтоб я все же позвонил. Слышу спокойный голос: «Когда сможешь приехать?» Я получил наставника, который начал структурировать мое сознание. При первом знакомстве мы сутки беседовали, и потребности во сне не было. Через какое-то время звонит и спрашивает: «Как твое состояние?» Я отвечаю: «Как решето». Он говорит: «Приезжай!» Он чувствовал меня на расстоянии. Потом у нас были диалоги, при которых не надо было звонить: я задаю мысленно ему вопрос и тут же получаю ответ. Возникло и сомнение: правильно ли его понял? Приезжаю, задаю тот же вопрос, а он отвечает: «Ну ты же знаешь ответ, зачем нам терять время? Каждая минута дорога!» У него было редкое заболевание, он мог умереть в любую минуту. И когда почувствовал, что уже скоро это произойдет, позвал к себе своих духовных чад предупредить. У меня вырвалось: «Ну как же мы без Вас!?» А он говорит: «Я буду ближе к вам, чем сейчас! Как мы прежде общались, не по телефону, так и будет». И, действительно, я получаю от него помощь и поддержку. Если мы причастники духовного, то мы не должны жить по материальным законам: «Отче наш, да будет воля Твоя!» — и тогда все устроится. Причем так, как мы и не предполагали в лучших своих мечтаниях.

Беседовала Яна БУДОВИЧ

МУСТАЙ КАРИМ: «ВЕРИЛ В СОЛНЦЕ Я ВСЕГДА»

Часто ли в каждом народе рождаются великие поэты?.. Часто ли к нам приходят на память поэтические строки, чей характер заставляет остановиться и в самом стремительном путешествии сознания задуматься на время о том, куда и зачем мы идем?..

Настоящая поэзия рождает вопросы. Настоящая поэзия будоражит сознание и заставляет слушать и слышать жизнь. Мустай Сафич Карим (1919—2005) — классик башкирской национальной литературы, из числа таких великих поэтов, которые останавливают время, которые притягивают к себе, чтобы вместе лететь к звездам, перевоплощаться в другие образы, чтобы раздвигать пространство времени и жизни. Недавно в книге «Мустай. Интервью, которого никогда не было» (Уфа, ИНЕШ, 2017) прочитал о Мустае Кариме, чьи произведения переведены на 35 языков народов мира, в том числе на белорусский язык (и переводятся и сейчас, когда поэта уже нет с нами второе десятилетие): «Он — связующее звено между башкирской и русской, восточной и европейской литературой, искусством, культурой.

Он — плод, выразитель и олицетворение огромных качественных перемен, произошедших за неполный век в бытийной и духовной жизни башкирского народа.

Он — олицетворение неразрывной связи между всеми многочисленными и разнообразными племенами, населяющими большую Россию.

Он — личность возрожденческого универсального дарования, с одной стороны, а с другой — общественный деятель и гражданин с заглавной буквы, прошедший вместе со своей родиной и страной через тяжелейшие испытания, выпавшие на ее долю.

Вот потому-то именно он, МУСТАЙ, есть избранник и посланник, полномочный представитель всего башкирского народа перед лицом общемировой семьи народов».

Заглядывая на страницы книг Мустая Карима, где его произведения звучат на русском языке, я непременно смотрю, кто переводил его стихотворения и прозу. Елена Николаевская, Ирина Снегова, Михаил Дудин, Михаил Светлов, Людмила Татьяничева, Константин Симонов, Аркадий Ойслендер… Поэты и переводчики, которым доверяешь. Еще совсем в молодые годы Мустай Карим написал стихотворение «Ответ на вопрос друзей»:

…Все я в жизни испытал —
Наступал и ранен был,
И слезами орошал
Землю дорогих могил.

И порой бывало так:
Дружбе друг мой изменял,
И меня, бывало, враг
Грязной ложью обливал.
Приходила вдруг беда,
Чтобы испытать меня…
Верил в солнце я всегда,
Без надежды не жил дня!

Р. Гамзатов, Е. Лось, Я. Смеляков, М. Карим. Москва. 1967 г.

«Вера в солнце», желание рассмотреть на небе звезды, заглянуть в вечность — это как знак сопричастности с поэзией и художественными символами других художественных и поэтических культур. Когда находишь такие строки, непроизвольно вспоминаешь поэтов разных школ, разных национальных культур. Мне приоткрывается Максим Богданович с его стремлением увести нас в звездное небо, в дороге к нему заставить искать главные идеалы жизни и совершенства. Мне вспоминается Пимен Панченко с его стремлением вымостить перед читателем Млечный путь. И в эти же минуты приходят в сознание поэтические обращения к Солнцу великого китайского поэта XX века Ай Цина. Мустай Карим, взращенный и русской поэзией, оставил нам столько поэтических, художественных, философских сигналов, что иногда кажется, что поэт живет где-то рядом и смотрит в глаза наших современников.

Не русский я, но россиянин. Зваться,
Так навсегда, душа моя, гордись!
Десятку жизней может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

Личность Мустая Карима всегда привлекала, притягивала поэтов, литераторов других народов. Круг его дружеского общения в семье советских поэтов, в семье художников слова народов России составляли Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Расул Гамзатов, Сергей Баруздин, Михаил Дудин, Баграт Шинкуба, Александр Твардовский, Давид Кугультинов, Геворг Эмин, Ираклий Абашидзе, Арви Сийг, Абдижамил Нурпеисов, Мухтар Ауэзов… Самоотверженные, смелые художники слова тянулись друг к другу. Национальные квартиры не были для них препятствием, национальные языки не разделяли их, а притягивали. Культура каждого народа была им близка. Они сообща, в мире и понимании открывали новые пространства, делились мыслями, рассказывали читателю и друг другу свои представления о жизненном обустройстве.

Великий поэт Дагестана, великий поэт многонациональной России Расул Гамзатов написал большое стихотворение «Мустаю Кариму». Процитирую лишь только три строфы:

Пишет нам из больницы в письме
Боль, стихающая под бинтами,
Грешник, кающийся в тюрьме,
Исповедуется перед нами.

Пишет пахарь и сеятель нам.
Не уйдешь от прямого ответа.
Годы мчатся под стать скакунам,
Оседлала их совесть поэта.

Скоро песни вернувшихся стай
Зазвенят над разбуженной чащей.
Хорошо, что ты рядом, Мустай,
Верный друг и поэт настоящий!

Притяжение поэзии, творчества Мустая Карима, несомненно, будет и дальше выстраивать отношения с великим башкирским писателем у читателей разных стран и народов. Сегодня в одном из минских издательств, ставших творческой площадкой для развития книжной серии «Сябрына: поэзия народов России», готовится белорусская книга башкира Мустая Карима. Сябрына, дружина, сообщество, круг… В этой серии уже звучат голоса народного писателя Удмуртии Вячеслава Ар-Серги, народного поэта Татарстана Роберта Миннуллина, перевоплощенные на белорусский Виктором Гардеем, Миколой Метлицким. В этой серии появятся книги чуваша Валери Тургая, чеченца Адама Ахматукаева, башкирки Зульфии Ханнановой, татарина Рената Хариса, лакской поэтессы Миясат Муслимовой, калмыка Эрдни Эльдышева… Рядом с книгой Мустая Карима они составят библиотеку многоликой поэзии народов необъятной России, богатой не только на пространство. Они продолжат ту библиотеку белорусских друзей, которая создавалась благодаря переводам лучших мастеров белорусского стихосложения в предыдущие десятилетия. Белорусскую библиотеку поэзии народов России, в которой уже заняли свои места, свои боевые позиции Расул Гамзатов, Муса Джалиль, Заки Нури, Михаил Хонинов, Давид Кугультинов…

Об одном из своих коллег по поэтическом цеху Мустай Карим написал такие строки: «Я будто через далекие дали слышу голос друга. Он стоит у Чегемского водопада, зачарованный до забытья. И, заглушая шум водопада, кричит:

— Люди! Я дарю вам волшебный, добрый мир — мир поэзии!»

Дарит через десятилетия этот родниковый, чистый мир поэзии читателям разных народов и башкирский поэт Мустай Карим. И будет дарить еще множество лет!..

Микола РАВНОПОЛЬСКИЙ

Мир один для всех

Практической реализацией конкурса молодых литераторов «Мост дружбы», направленного на поиск, раскрытие и поддержку талантов, стало издание «Литературный альманах=Літаратурны альманах. Выпуск 3» (Минск, «Звязда», 2017), куда вошли произведения победителей: шести белорусских и шести российских молодых авторов в возрасте от 18 до 30 лет.

Учредителем конкурса является Постоянный Комитет Союзного государства, организационную поддержку обеспечивает Ассоциация «Познаем Евразию» и Национальный пресс-центр Республики Беларусь.

На конкурс поступило более 150 авторских произведений — рассказов, новелл, очерков, эссе. По завершении работы жюри авторы-победители были награждены дипломами Постоянного Комитета Союзного государства.

Какие же темы занимают молодых писателей, о чем они мечтают, куда направлены их помыслы? Лирические герои произведений Марты Райцес (Россия)

и Ольги Молодцовой (Беларусь) — возвышенные, романтические, в чем-то наивные, одинокие путешественники. Их юные души замирают в восторге перед величием культурного наследия, с которым они знакомятся, которое становится частью их мира и начинает с ними взаимодействовать. Эмоциональный накал переживаний белорусской писательницы вылился в стихи, которые стали частью очерка «Минск — Санкт-Петербург», а *alter-ego* россиянки Марты Райцес в эссе «Наследие» испытывает настоящий катарсис в усадьбе ее любимого писателя. Иван Кузнецов, автор очерка «Шепот Тонущего Города» (Россия), — путешественник не только в пространстве, но и во времени. Перед читателем раскрывается ожившее прошлое в чудесных образах Венеции. Вивальди, Вергилий, Данте воспринимаются как собеседники автора, как часть его мира. Здесь присутствует особенное чувство юмора, граничащее с «черным», но не раз вызывающее искреннюю улыбку.

Опыт любви, дружбы, тема одиночества… Герои Антона Лукина (Россия) в рассказе «Мир один на двоих» и Анастасии Бакунович (Беларусь) «Белый лебедь» юны, но уже готовы на самые глубокие чувства, на самопожертвование ради другого.

Несмотря на молодость литераторов, многие произведения отмечены мастерством, психологизмом, особенным авторским стилем. Это рассказы «Фуэте» Артура Журавлева, «Мухоловки! Мухобойки!» Егора Куликова, «Юлька» Сергея Чернова (Россия); «Контакт» Андрея Диченко, «Кот человека со скрипкой» Ивана Малинина, «Чудной часовщик, или Однажды в Коссово» Алены Попко (Беларусь).

Примечательна попытка белорусского автора Игоря Авласенко воссоздать атмосферу последних дней писателя Кузьмы Чорного («Последняя исповедь Кузьмы Чорного») на материале его личных записей. Читатель убеждается в который раз: внешние обстоятельства могут меняться, а сущность взаимоотношений настоящего художника с окружающим миром все та же: реалии, о которых писал в своем дневнике К. Чорный, актуальны и сегодня.

Литературный альманах адресован самому широкому кругу читателей. Познакомившись с творениями молодых современников, можно взглянуть на мир их глазами и лучше их понять.

Яна БУДОВИЧ

КРАЙ РАСКРЫТЫХ ДУШ И СЕРДЕЦ

Чем удивит XXVII «Славянский базар в Витебске»?

В дни фестиваля город у Двины превращается в маленькую музыкальную страну, где жизнь не замирает ни на минуту… «Славянский базар в Витебске» — один из самых любимых фестивалей жителей Беларуси и не только. Он притягивает множество гостей и зрителей, впечатляет новыми именами, а главное — дает возможность открыть свою культуру представителям разных стран. Удивительная и неповторимая энергетика — вот что вдохновляет участников и зрителей фестиваля. В этом году XXVII «Славянский базар в Витебске» будет проходить с 12 по 16 июля, но дополнительная программа начнется за несколько дней до торжественного открытия, а также продлится несколько дней после закрытия фестиваля. Каких новинок и сюрпризов ждать на «Славянском базаре — 2018»? Организаторы поделились секретами.

На главной сцене «Славянского базара».

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Марина Романовская, главный режиссер гала-концерта открытия фестиваля, заместитель генерального директора ГУ «Центр культуры “Витебск”»:

— Мне во второй раз выпала возможность режиссировать концерт открытия на «Славянском базаре». В нашей стране, на мой взгляд, проходит важная и ответственная акция — Год малой родины, которая, без преувеличения, глубоко трогает всех жителей страны. В концепции концерта открытия, мне кажется, интересно эту тему обыграть. Именно поэтому он будет называться «Дом, где тебя всегда ждут». Кстати, самой площадке амфитеатра исполняется 30 лет. Мы проводим параллель: с одной стороны, затрагиваем тему малой родины, с другой — напоминаем об амфитеатре как о родном доме для большого количества артистов, которые выступали на «Славянском базаре», и зрителей, которые остаются верны этому месту многие годы.

На концерте открытия будут выступать пять оркестров. Такого за историю фестиваля не было никогда. Приятно, что большинство из них представляют славянскую культуру, в том числе камерный «Вивальди-оркестр» Светланы Безродной. Зрители насладятся трогательным спектаклем-воспоминанием «Оркестр мечты. Медь» Олега Меньшикова. Думаю, аудиторию удивит выступление российского коллектива народно-сценического танца «Гжель», который можно назвать символом русской культуры. Оригинальность театра — в обращении не только к региональным традициям, но и к многообразным формам мирового фольклора — обрядам, мифам и былинам, о которых коллектив рассказывает в современных условиях. Это невероятно красивое действо, захватывающее дух с первой минуты просмотра.

На мой взгляд, особенность главного концерта этого года — в разнообразии. Ведь вместе с российскими, белорусскими, украинскими артистами на сцену выйдут певицы из Уругвая и Албании и еще многих других стран. Именно поэтому открытие будет динамичным, ведь все артисты разные, многие приезжают с самыми полюбившимися зрителю композициями. Ведущими концерта открытия будут представители Беларуси, России и Украины — Ольга Рыжикова, Дмитрий Губерниев и Тимур Мирошниченко.

ТРАДИЦИИ И НОВШЕСТВА

Александр Сидоренко, директор Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске»:

— Самый актуальный вопрос, который задают организаторам из года в год: «Чем новый фестиваль отличается от предыдущих?» Я же подчеркиваю, что «Славянский базар» всегда отличается постоянством. В этом году его участниками станут представители сорок одной страны. Желающих приехать на фестиваль в Витебск с каждым годом становится больше. Наглядный пример этому — Международный конкурс эстрадной песни, который является основой «Славянского базара». На этот раз в конкурсе впервые примут участие представители Канады, Великобритании, Германии, а в детском состязании — представители Гвинеи и Египта. Всегда приятно, что национальный отборочный тур привлекает огромное количество желающих, и мы, организаторы, понимаем, что наш труд не напрасен.

На фестиваль уже продано более 60 тысяч билетов.

Во время детского конкурса.

Программа разнообразная. Есть много проектов и концертов с артистами, которые ранее в Витебске не бывали. К примеру, коллектив «Фонограф-Симфо-Джаз», такие известные личности, как Горан Брегович, Эмир Кустурица. Кстати, режиссер презентует в Витебске один из своих новых фильмов. В этом году на фестивале будет широко представлено искусство Казахстана как в плане концертов, так и народных промыслов. Также посетителей «Славянского базара» ожидает большое количество выставочных проектов. Например, экспозиция мастеров Северной Кореи, выставка работ Ильи Репина. Удивить зрителя сможет, на мой взгляд, насыщенная театральная программа, изюминкой которой будет проект театрального режиссера Олега Меньшикова. В целом, в рамках фестиваля представят около десяти постановок. Театры Беларуси, России, Украины покажут спектакли как для детей, так и для взрослых. Впервые на «Славянском базаре» покажут цирковой проект — по уже приобретенным билетам мы видим, что зрителю это интересно. Активно развивается на фестивале уличное искусство. Музыканты, поэты, актеры, танцоры, перформеры — все с удовольствием приезжают в Витебск. Мы даже стараемся расширить для них площадки в центральной части города.

Я уверен, что все участники, которые приезжают из других стран, здесь открывают для себя Беларусь. Она, в свою очередь, помогает им: вспомните, сколько артистов стало известными благодаря «Славянскому базару».

НЕМНОГО БАЛОВСТВА

Александр Вавилов, главный режиссер гала-концерта закрытия фестиваля:

— Очень важно подчеркнуть, что «Славянский базар» не удивляет чем-то новым и необычным — он удивляет традициями, которые так легко разрушить, как показывает мировая практика. Очень важно, что наш фестиваль подкрепляет их и, более того, напоминает соседям об их значимости.

На концерты фестиваля приходят люди самого разного возраста и с разными интересами. Это подтверждает: здесь каждый найдет свое — любимую музыку, исполнителя, хорошее настроение. Я предложил дирекции фестиваля назвать концерт «Три минуты музыкального лета». Это поэтическое название возникло не случайно, ведь в среднем звучание музыкальной композиции укладывается именно в такой промежуток времени.

Я всегда говорю, что концерт открытия и закрытия — это как два ребенка в одной семье. Старшему отдается много внимания, с него громаднейший спрос, он отвечает за традицию, фамилию, в нашем случае еще и за настроение фестиваля. А концерт закрытия — это тот самый младший ребенок, которому позволяется немного больше. Он своенравный и в нем живет особое обаяние. Я как режиссер хочу в этот концерт вложить неожиданность, немного баловства, возможно, экспериментальные детали. Хочу, чтобы даже через моменты тишины зритель прочувствовал глубину происходящего действа.

Виктория АСКЕРО

Связанные одной целью

В рамках «Славянского базара» 13 июля пройдет День Союзного государства.

— Это важное для нас событие, — подчеркнул Александр Сидоренко, директор Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске». — Беларусь и Россия близкие друг для друга страны, поэтому все мероприятия в этот день хочется провести с особой теплотой. Я уверен, мы должны подкреплять наши отношения и способствовать тому, чтобы наши народы сохраняли ментальную связь. День Союзного государства запомнится гостям и участникам «Славянского базара» многочисленными кинопоказами, спектаклями и выставками. А также состоится насыщенный и уже традиционный концерт «Союзное государство приглашает», где выступят российские и белорусские артисты. В концерте примут участие оркестр «Фонограф-Симфо-Джаз» под руководством российского пианиста и дирижера Сергея Жилина, исполнят композиции победители телевизионных проектов и международных фестивалей. Никаких сомнений: это будет интересный концерт, в нем предполагается участие Ларисы Долиной, Игоря Николаева, Алены Ланской, Петра Елфимова, Ивана Вабищевича и других артистов.

Тем более, у нас сложилась практически традиция: в рамках Дня Союзного государства каждый год нам удается выделить несколько талантливых, но малоизвестных исполнителей, как с белорусской, так и российской стороны, которые приезжают к нам в последующие годы настоящими звездами.

«Русские сезоны» белорусского балета

Для Андриса Лиепы Минск — город совсем не чужой. Отсюда, можно сказать, началось его восхождение на профессиональный Олимп. Когда представителям советской балетной школы, молодым артистам балета Нине Ананианвили и Андрису Лиепе на конкурсе в США нужно было доказать, что по части балета СССР «впереди планеты всей», им необходим был танец с современной хореографией. В классическом балете советские артисты в то время не знали равных, но эксперименты и новаторские решения не особенно приветствовались в этом виде искусства. Только в Минск, только к Елизарьеву, — это была единственная возможность подготовить номер для конкурса. В 1986 году современный балет они открывали для себя во время репетиций с Валентином Николаевичем в Большом театре Беларуси. «Камерная сюита» (на музыку Родиона Щедрина) с хореографией Елизарьева в исполнении молодых артистов произвела фурор и принесла им Гран-при…

Фото БелТА.

Теплота, с которой началось знакомство с Минском, осталась до сих пор. Народный артист России Андрис Лиепа — желанный гость в Национальном академическом Большом театре Беларуси. И не только гость, но и участник многих событий театра: при его непосредственном участии в афише театра в предыдущие годы появились восстановленные спектакли «Жар-птица» и «Шехерезада» легендарного балета Сергея Дягилева «Русские сезоны», который более ста лет назад покорил Европу. Андрис Лиепа реставрирует исторические постановки труппы Дягилева, которые привлекают и сегодня. Еще одно доказательство этому — интерес к премьере восстановленного балета «Петрушка» на музыку Игоря Стравинского на сцене белорусского театра. О сотрудничестве с Большим театром Беларуси рассказал журналистам народный артист России Андрис Лиепа:

О ШЕДЕВРАХ

— Я уже в четвертый раз работаю с Национальным академическим Большим театром оперы и балета Беларуси, поэтому приезжаю сюда практически как к себе домой. Мы давно мечтали создать вечер Игоря Стравинского (одним из инициаторов выступил Виктор Плоскина, дирижер-постановщик спектакля «Петрушка»), и театр сделал впечатляющую работу, которая началась с постановки «Жар-птицы» Игоря Стравинского. В этом году «Жар-птица», которая с успехом идет на минской сцене, сопровождала премьерный показ «Петрушки». Кроме того, к ним в тандем добавили и «Шехерезаду» Николая Римского-Корсакова — еще один шедевр «Русских сезонов», один из тех спектаклей, которые по праву можно считать классикой двадцатого столетия. К слову, Римский-Корсаков — учитель Игоря Стравинского, в доме которого молодой композитор познакомился с жизнью творческой интеллигенции тех лет. Сейчас смело можно говорить о продолжении традиций: речь уже идет не просто о русском балете, а о истории мировой музыки.

Для зрителя премьера «Петрушки» стала погружением в начало двадцатого века. С современными технологиями, светом и имеющимся материалом у нас получилось вывести спектакль на новый уровень. Сотрудничество с белорусским Большим получилось очень плодотворным, и я надеюсь, что впереди нас ждут и другие крупные проекты. Так, в следующем году мы привезем сюда «Золотого петушка» Н. Римского-Корсакова, и, думаю, это станет культурным событием в жизни Минска.

ОБ ИСТОРИИ

— Не стоит забывать, что 2018 год для нас юбилейный: театральный мир отмечает 200 лет со дня рождения Мариуса Петипа, французского хореографа, сформировавшего классический русский балет. Однако и после его смерти балет продолжал развиваться, появлялись потрясающие постановки. Михаил Фокин — один из тех хореографов, которые продолжили традиции, заложенные Мариусом Петипа. В начале прошлого века «Русские сезоны» совершили настоящую революцию, причем не только на сцене, но и в музыке. В 1910 году была поставлена «Жар-птица», а уже в 1911-м «Петрушка» просто перевернул музыкальное сознание всей Европы. На мой взгляд, сегодня ни один композитор не мог бы подойти к своей работе, не изучив партитуру к «Жар-птице» и «Петрушке», ведь это начало новой музыки двадцатого века.

Уникальность «Петрушки» была и в том, что 100 лет назад русский зритель увидел в балете самого себя. Посетители театра вдруг обнаружили на сцене людей, которые ходят по тому же городу, что и они. Кучера, кормилицы, полицмейстеры, мамаши с детьми, даже подгулявшие барины — словом, те персонажи, которых можно было запросто встретить на улицах Петербурга начала XX века во время масленичных народных гуляний. Зритель оказался в совершенно реальной атмосфере, однако эта реальность была еще и очень красивая, яркая, с потрясающей театральной музыкой — музыкой, в которой звучавшие в то время народные мелодии оказались в симфоническом исполнении.

ОБ ИСПОЛНИТЕЛЯХ

— С художественным руководителем балета Большого театра Беларуси Юрием Трояном мы установили замечательный контакт, научились доверять друг другу. Вначале я немного волновался, смогут ли кордебалет и артисты миманса, которые участвуют в сцене гуляния, дать тот необходимый для спектакля градус, которым запомнилась премьера М. Фокина, но белорусские артисты показали себя очень хорошо: каждый из исполнителей нашел в «Петрушке» что-то свое. Не может не тронуть замечательная актерская работа Олега Еромкина и Такатоши Мачияма. Меня удивило, как солист Олег Еромкин в роли Петрушки смог выйти за границы своего традиционного амплуа, ведь он очень хорошо танцует классические партии. К слову, все лучшие танцовщики мира хоть раз в своей жизни исполняли роль в балете «Петрушка». Думаю, что наши молодые ребята, которые участвуют в постановке, тоже далеко пойдут.

О РЕСТАВРАЦИИ

— «Петрушка» Игоря Стравинского — одна из моих любимых постановок, когда-то я и сам танцевал в этом балете. Восстановлением костюмов и декораций по мотивам сценографии и костюмов Александра Бенуа занимался художник-постановщик Анатолий Нежный. Вместе мы по крупицам воссоздали всё, что было сделано для премьеры в 1911 году в парижском театре «Шатле». Стоит поблагодарить и театральные мастерские: благодаря их сложной скрупулезной работе мы получили очень красочные декорации и наряды для артистов.

В этом балете я очень много работал как реставратор. Немало вещей, которые у нас теперь есть, в свое время были утеряны. Чтобы получить целостную картинку, я сотрудничал с Изабель Фокиной — внучкой Михаила Фокина. Она предоставила нам клавир Михаила Михайловича, где сохранились пометки хореографа. Поскольку в династии Фокиных было принято снимать друг друга за работой, в архивах осталось более 16 часов документальной съемки. Благодаря просмотру видеоматериала я смог погрузиться в атмосферу тех спектаклей и репетиций, а потом перенести все это на сцену так, как просила сама Изабель. Современный «Петрушка» — это то, что я смог собрать из воспоминаний Михаила Фокина, Александра Бенуа и Игоря Стравинского. Вне всяких сомнений, шедевр, созданный такими гениями своего времени, должен идти в репертуаре Большого театра Беларуси.

Однажды я смотрел восстановленный другим хореографом балет «Петрушка» в Нью-Йорке, и в какой-то момент стало обидно за американских танцовщиков: у них не было человека, который научил бы их профессионально исполнять народные движения, вплетенные в танец. Чтобы не допустить такой ошибки, я всегда приглашаю специального ассистента для отработки с артистами фольклорных элементов танца, что в итоге поднимает мастерство исполнения «Петрушки» на новый уровень. Впрочем, все эти нюансы вы можете отметить сами…

Записала Дарья ЧЕРНЯВСКАЯ

МГНОВЕНИЯ ИСКУССТВА

✓ Либретто балета «Петрушка» предложил Александр Бенуа, он же стал автором сценографии. Известный русский художник, историк искусства, основатель объединения «Мир искусства», Бенуа был одним из инициаторов вывоза русских балетов за границу в начале XX века, а Сергей Дягилев, которого именно Бенуа ввел в круг петербургской культурной элиты того времени, стал двигателем проекта «Русские сезоны».

✓ В 1905 году Дягилев представил в Париже выставку русского портрета, в 1906 году — произведения русских композиторов Николая Римского-Корсакова, Александра Скрябина, Милия Балакирева и т. д. В 1908 году впервые парижанам представили русскую оперу — премьеру «Бориса Годунова» Модеста Мусоргского, в которой с успехом выступил Федор Шаляпин. В 1909 году вывезли только балет — спектакль «Павильон Армиды» на музыку Николая Черепнина, который сам дирижировал на парижской премьере.

✓ Композитор Игорь Стравинский, автор балета «Петрушка», через антрепризу Сергея Дягилева стал мегапопулярным, классиком еще при жизни. Декорации к спектаклю, созданные Александром Бенуа, изображали Адмиралтейство, Исаакиевский собор в Петербурге, а также Марсово поле, на котором, по сюжету «Петрушки», шли народные гуляния и работал балаганный театр. Прием «театр в театре» был нов и необычен для того времени.

✓ Главные партии танцевали звезды «Русских сезонов». Тамара Карсавина, обожаемая хореографом Фокиным за ее талант, технику и артистизм, исполняла роль глупой танцовщицы, которая умеет крутить фуэте, но не понимает, что такое творчество. Петрушка, которого танцевал легендарный Вацлав Нижинский, влюблен в эту красавицу, которой не интересна его любовь, потому что он ужасно одет. Партию Арапа исполнил на премьере Александр Орлов, а Фокусника — Энрико Чеккетти, итальянец, который работал в Мариинском театре, а затем стал педагогом-репетитором в труппе Дягилева. Анна Павлова, Тамара Карсавина, Ольга Спесивцева — все лучшие балерины того времени — были ученицами итальянского педагога. Этот Фокусник руководил куклами на сцене так, как Энрико руководил балеринами каждый день в классе. А намного позже историки и критики начали ассоциировать Фокусника с самим Дягилевым.

✓ Балет «Петрушка» остался и в записях на кинопленке, потому что этот спектакль всегда присутствовал в репертуаре западных театров. «Петрушка» шел в Гранд-опера, в Американском балетном театре. До 1942 года Михаил Фокин жил в Нью-Йорке, и этот спектакль, так же как и его «Шопениана», был поставлен и в «Метрополитен-опера».

Спасительница «Чайка»

Любимая дача Витольда Бялыницкого-Бирули сохраняет дух творчества

Знаменитый художник Витольд Бялыницкий-Бируля вошел в историю белорусского и русского народов как мастер живописного слова. Его пейзажи отражают красоту и грациозность природы. Они истинная гордость для обеих стран, где помнят и любят художника. Его произведения есть в коллекциях разных музеев, но главными хранителями творческого наследия мастера можно назвать белорусские музеи в Белыничах и Могилеве, а также творческую дачу «Чайка» Витольда Бялыницкого-Бирули в Тверской области.

Художник родился в Беларуси в Могилевской губернии. Провел здесь детство и приезжал каждое лето в студенческие годы после того, как поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Приезжал всегда в разные усадьбы. Его отец был арендатором, часто ругался со своими хозяевами, поэтому переезжал с одного места в другое. Эти усадьбы располагались на Полесье, Могилевщине, Витебщине и еще во многих регионах Беларуси.

— В 1900 году он женился на сокурснице Ольге Сувировой — дочери богатого фабриканта-суконщика, на предприятиях которого трудилась тысяча рабочих, — рассказывает ведущий научный сотрудник Национального художественного музея Беларуси Надежда Усова. — После свадьбы художник стал обеспеченным человеком. Отец жены подарил молодой семье большой особняк в центре Москвы. Дом Бялыницкого-Бирули был, как говорят, полной чашей. Там собирались самые интересные и интеллигентные люди. Поскольку мать художника умерла, а отца забрал к себе старший брат, Москва для Витольда Каэтановича стала постоянным домом, и он перестал приезжать в Беларусь.

Художник вырос в усадебных дворах, ему хотелось иметь обособленное пространство, где бы он мог оставаться наедине с собой, природой, где была бы возможность писать пейзажи. Дачная культура была распространена в то время, многие художники строили себе усадьбы в псевдорусском стиле. У Бялыницкого-Бирули было две главных страсти в жизни: живопись и охота. Он ездил охотиться в Тверскую губернию, где часто работал Исаак Левитан, именно здесь он написал свою знаменитую картину «Над вечным покоем». Однажды Бялыницкому-Бируле показали место возле озера Удомля, где они с семьей сняли жилье. Он влюбился в эти места и решил построить здесь дом. Дача была построена через год, и семья полностью обосновалась в Тверской губернии. Художник сразу же завел лошадей, наслаждался тишиной и спокойствием этих мест. Часто выезжал на охоту. Все лучшие картины автора написаны именно там. Усадьбу мастер назвал «Чайка»: она была белого цвета и будто парила над озером.

— Когда грянула Октябрьская революция, все усадьбы должны были быть национализированы. Витольд Бялыницкий-Бируля стал воевать за свой дом, — рассказывает Надежда Усова. — Отдал часть усадьбы под художественную ремесленную школу, в которой в одно время училось 117 человек. Многие дети даже решили бросить общеобразовательные школы и приходили учиться в дом художника. Однако деятельность школы продлилась только до 1922 года. Бялыницкий-Бируля по своему призванию был не педагог, ему сложно было обучать, и эта деятельность нарушала тишину, которая так его привлекала. В 1921 году, после подписания Рижского договора, можно было эмигрировать. Все его близкие родственники переехали в Польшу. Но художник, полюбив свою дачу, отказался уезжать вслед за своим старшим братом и сестрами в Варшаву. Жизнь в этот период была сложной, кругом голод, нищета. В биографии художника приводится факт, что в то время Витольд Каэтанович вынес на рынок свою картину, и один крестьянин купил ее в ту же минуту за мешок картошки. Художнику было интересно, как крестьянин будет обращаться с его работой, и решил не уходить, а немного понаблюдать за действиями покупателя. И увидел, как тот снял стекло, раму аккуратно сложил, а холст свернул в трубочку. Бялыницкий-Бируля возмущенно спросил: «Что вы делаете?». А крестьянин ответил: «У вас свои барские забавы, а я стекло в окно вставлю, холст отмою на подштанники детям, а рамой печь растоплю. Мне всё сгодится». Этот эпизод демонстрирует всю глубину трагедии, которую переживали люди. Сложно представить, что чувствовал тогда автор…

Позже Витольд Бялыницкий-Бируля познакомился с Анатолием Луначарским, Марией Ульяновой, Михаилом Фрунзе. Последний, кстати, был большим любителем охоты. Стал приезжать на дачу к художнику — поохотиться. Эти знакомства сыграли свою роль: школа закрылась, а художника оставили в покое и позволили жить в своем доме.

Бялыницкого-Бирулю часто называли счастливчиком: он умел найти правильный выход из ситуации. После всех сложных событий продолжил развивать традиции русского лирического пейзажа, впоследствии стал одним из создателей жанра мемориального пейзажа. Он писал места, где бывали русские вожди и деятели культуры. Это позволило ему быть признанным. В 1937 году он получил звание «Заслуженный художник России».

— И все же жилось ему в то время нелегко, — подчеркивает Надежда Усова. — Был эпизод, когда Витольд Каэтанович просил деньги в качестве ссуды у Союза художников для покупки красок и холстов, за которую впоследствии расплатился 252 килограммами картошки. Дача его кормила, помогала устоять на ногах. Через некоторое время на выставке в Москве, посвященной 25-летию Беларуси, Бялыницкого-Бирулю заметила директор Государственной картинной галереи БССР Елена Аладова, которая проявила к нему профессиональный интерес. Вскоре мастер получил звание «Заслуженный художник Беларуси», хотя на тот момент уже практически сорок лет не был на родной земле. Через некоторое время по приглашению он приехал в Беларусь и был поселен на Белой даче, где прожил 44 дня. Его уговаривали переехать в Беларусь, и художник согласился, потому что на родине к нему относились с уважением и трепетом. Но уже практически перед переездом утонула единственная дочь Бялыницкого-Бирули Любочка, которую похоронили у озера Удомля. После этой трагедии мастер отказался переезжать и остался жить на «Чайке».

Творческая дача «Чайка» в наши дни.

В. Бялыницкий-Бируля «Час тишины». 1911 г.

Горе отразилось на здоровье художника — его разбил паралич. В московской квартире он находиться не мог. Ему было тоскливо. Попросил перевезти его на дачу, где понемногу приходил в себя. Это был второй случай, когда его спасла любимая «Чайка». Во время болезни кормили крестьяне, очень полюбившие его за щедрость, которую он оказывал им в те времена, когда был богат. Они часто выносили его на крыльцо, а он писал пейзажи. Новая жена художника не могла постоянно находиться с ним рядом. Она вынуждена была ездить в Москву, заниматься продажей его работ, чтобы прокормить семью.

Когда художник умер, его вдова Елена Алексеевна осталась жить на даче. К ней приезжали люди, для которых она проводила экскурсии по «Чайке». Тогда поняла: это уже не дача, а настоящий музей с историей. Вдова начала писать в различные организации с просьбой помочь отремонтировать помещение для реализации идеи его превращения в музей. Но решение так и не было принято: слишком большое расстояние до Москвы, непроходимые леса.

— В то время Елена Аладова не оставляла мысли перевезти наследие Бялыницкого-Бирули в Беларусь и открыть музей. «Чайка» требовала больших вложений, которых вдова не могла себе позволить. Она приняла решение продать практически всю коллекцию Беларуси, а обстановку подарила Белой даче, с условием, что эти экспонаты должны быть в музее, — рассказывает Надежда Усова. — Музей открыли в Белыничах — в том месте, где, по официальным данным, родился художник. Затем к 100-летию Витольда Бялыницкого-Бирули в Могилеве открыли второй музей, посвященный художнику. «Чайку» вдове пришлось продать: ухаживать за ней уже не было возможности. Некоторое время усадьба была бесхозной. Туда заселялись рыбаки, которые однажды чуть не сожгли дом. После было принято решение сделать в этом месте дом отдыха. Только в 1996 году путем долгих согласований здание бывшей дачи признали филиалом Тверской картинной галереи. Сегодня «Чайка» оживилась.

Витольд Каэтанович очень любил свою дачу. Он часто говорил: «В моей жизни есть две любви — это Любочка и "Чайка", мне до боли здесь хорошо». Только молодая жена и возможность иметь музей подтолкнули его в свое время к мысли о переезде. Но судьба распорядилась так, что он умер на даче. Художник хотел быть похоронен у озера Удомля, рядом с могилой дочери. Но уже в то время он был академиком Академии художеств, и согласно статусу его похоронили на Новодевичьем кладбище.

Сегодня «Чайка» — это место, куда приезжают, чтобы почувствовать атмосферу, которую так долго берег Витольд Бялыницкий-Бируля в своем доме. Очень важно, что в нем до сих пор живет дух того времени, и каждый, кто с интересом и трепетом относится к личности и творчеству художника, может это ощутить.

— «Чайка» — уникальное место, где любил находиться не только Витольд Бялыницкий-Бируля, но и его близкие друзья художники, знаменитые деятели культуры, — подчеркивает директор Национального художественного музея Владимир Прокопцов. — Не удивительно, что дом до сих пор наполнен чарующей аурой. Удивляет необычная архитектура постройки, ее изящность и внутренний функционал. Меня радует, что сегодня «Чайка» живет насыщенной жизнью. Там проводятся пленэры, различные выставочные мероприятия. Кстати, когда белорусская делегация посещала это место, мы привезли туда сирень с родины Витольда Бялыницкого-Бирули. А сейчас ученые Ботанического сада Беларуси разрабатывают специальный сорт сирени «Художник Витольд Бялыницкий-Бируля», который также будет отправлен в Тверскую область. Я думаю, что в рамках Союзного государства Беларусь и Россия могут проводить в «Чайке» различные культурные встречи и акции. 14 июля в Витебске состоится круглый стол, где мы будем говорить о личности художника и рассмотрим вариант такого взаимодействия между нашими странами.

Необходимо отметить, что в конце сентября в Могилеве откроется отреставрированный Музей имени Витольда Бялыницкого-Бирули, где будет представлено около 50 работ мастера. В музее зрители смогут увидеть обстановку той самой Белой дачи, где некоторое время жил художник.

Виктория АСКЕРО